

Изольда Великолепная

Автор:

[Карина Демина](#)

Изольда Великолепная

Карина Демина

Изольда Великолепная #1

Девушка согласилась на безумное предложение выйти замуж за незнакомца, подписала контракт и попала в чужой мир. Лорд-протектор, он же живое воплощение войны, понадеялся на благоразумие друга, а в результате получил совсем не ту невесту, на которую рассчитывал. Маг-недоучка, бессовестный рыцарь, сыграл очередную шутку, связав брачным контрактом двух случайных людей. И неважно, мстил он за прошлые обиды или же пытался помочь в обычной своей неуклюжей манере: каждому понятно, что вскоре недоразумение будет исправлено. Дата свадьбы назначена? Эти два месяца еще прожить надо!

Карина Демина

Изольда Великолепная

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Выйти замуж – не напасть...

...Продажа женщин разрешена только перед алтарем...

П.17.2 «Уложения о правах и свободах человеческих, дарованных во имя процветания протектората лордом-протектором Сигизмундом Мюрреем»[1 - В качестве эпиграфов в книге использованы цитаты из произведений, которые читатель, несомненно, узнает. – Примеч. авт.]

Куда идти, если идти некуда?

В кармане последняя сотка, и та одолженная. За плечом рюкзак со свитером, сменой белья, косметичкой и дипломом бухгалтера, который, как оказалось, на работодателей производит впечатление куда меньшее, чем я рассчитывала. Ну да, всего-навсего курсы. Полугодовые. Углубленные.

Ну да, опыта работы у меня нет.

Ну да, и сама я на бухгалтера не похожа.

Но это же еще не повод отворачиваться! Перезвонят мне, как же... звонить уже некуда – сотовый издох, а стационарный остался в квартире, с Машкой. А Машка осталась с женихом, и на этой заповедной территории места мне нет. Вещи пусть побудут недельку-другую, а вот я должна уйти.

Дружба дружбой, а женихи врозь.

Нет, на Машку я не злюсь.

Порой мне кажется, что все со мной происходящее закономерно и справедливо: мир взывает долги, и даже не знаю, наступит ли момент, когда я полностью с ним рассчитаюсь. Но как бы там ни было, изменить прошлое мне не под силу, а вот с будущим что-то надо делать. Знать бы еще, что именно.

Для начала поесть.

Сто рублей – это много, если правильно распоряжаться финансами. Кефир. Булочка. В кармашке рюкзака еще с осени карамелька завалялась, будет десертом. Пикник устрою в парке, благо погода радует. Солнышко светит, травка зеленеет, птички поют... благодать полнейшая. Еще недели две-три до настоящей жары, и народ спешит пользоваться моментом. Все скамейки заняты. Подростки с пивом, чипсами и ротвейлером, которому попеременно доставалось то чипсов, то пинков – их пес воспринимал с буддистским спокойствием. Мамаши при колясках. Стайка старушек. Влюбленные... и, кажется, место мое – на газоне. Почему бы и нет?

Выпью кефир, съем булочку и карамельку, а дальше что?

Ночевка на вокзале? И как долго? Подозреваю, что это – те самые временные обстоятельства, которые грозят стать постоянными. Хоть на панель иди, честное слово. Но думаю, что и туда не примут за отсутствием внешних данных.

Роста во мне полтора метра и три сантиметра, о которых я упоминаю исключительно из врожденной мелочности натуры. Телосложение субтильное. Лицо маловыразительное. По Машкиному выражению, я – подросток, застрявший в начале пубертатного периода. Платъице надеть, бантик к макушке привязать, и вот она – мечта педофила.

Но я же не всерьез о таком думаю?

Перстень я заметила издалека. И как не заметить, если он прямо посреди дорожки лежал, сверкал синим камнем. Так сверкал, что только слепой внимания не обратит.

Не обращали.

Прошла мимо женщина с толстой болонкой на поводке. Собака остановилась было у перстня, твякнула, внимание хозяйки привлекая, но была взята на руки.

– Скоро дома будем, Лисочка, потерпи, милая.

И девчонка в спортивных шортиках мимо пробежала... пацан ногой поддел, и перстень, жалобно звякнув, откатился к самому бордюру. Мне оставалось наклониться и поднять.

Бижутерия? Если так, то качественная и, следовательно, дорогая. А если настоящий? Серебро? Не похоже – серебро светлее. Но и не золото. Платина? А камень тогда? Сапфир? Стекло, Изольда, просто стекло. Сапфиры такого размера на земле не валяются. Я сомневаюсь, что они вообще бывают в природе. Камень прямоугольной формы и густого синего окраса. Чудо просто...

Перстень я примерила сугубо из женского любопытства. Колечко в любом случае придется продать – наличные мне нужны. Но ведь полюбоваться можно, представить, что оно – мое. Вот и на палец село как родное.

– Девушка, – раздался рядом вкрадчивый голос, – позволено ли будет взглянуть?

Руку спрятать в карман я не успела.

– Не стоит бояться. Я не причиню вам вреда.

Конечно. Все, кто хочет причинить вред, сообщают об этом открыто. Интересно, пора уже звать на помощь? И кого?

Парк, еще секунду назад довольно людной, вдруг опустел. И я осталась наедине с престранным типом, который увлеченно разглядывал мою руку. Нашел чем любоваться. Ладонь как ладонь... не очень чистая, кстати. И маникюр, сделанный Машкой на прошлой неделе – тогда еще жених пребывал в статусе парня, – пооблупился самым позорным образом.

– Удобно? – поинтересовался тип, трогая перстень. – Не жмет?

– Ваш?

Я верну, хотя, конечно, обидно. У меня на это колечко уже планы, а тут вдруг...

– Ваш. – Мой новый знакомый лучезарно улыбнулся. А ведь хорош, стервец этакий. Высок. Широкоплеч. И льняной пиджак средней степени измятости лишь

подчеркивает статью. Лицо ангельское, только нимба над светлой макушкой не хватает. А вот глаза впечатление портят, светлые, но с таким бесовским огоньком. – Не соблаговолите ли вы назвать свое имя?

Огоньки меня заморозили, наверное, поэтому и ответила:

– Изольда.

Ну да, имя у меня глупое.

Видите ли, папенька мой – глянуть бы на него хоть одним глазком – был очень увлечен некой историей и наказал маменьке наречь дочь Изольдой. А маменька в жару любовном, который еще томился на дровах обещаний, наказ исполнила. Потом они разругались в хлам и папенька благополучно исчез с горизонта нашей жизни. А вот имечко осталось.

Хорошо хоть не мальчиком родилась. Тристаном жить было бы сложнее.

– Чудесное имя...

Столь искренне и с чувством мне еще не ввали.

– Урфин. – Блондин тоже представился, при этом поклонившись.

– Джус? – вырвалось у меня помимо воли.

– Нет. Сайлус, седьмой тан Атли.

Тан, значит. Просто очаровательно, что бы это ни значило.

– Изольда, не будете ли вы столь любезны уделить мне несколько минут вашего драгоценного времени?

Если потянет в кусты, заору... но вместо этого я кивнула. Надеюсь, вежливо. Чего-чего, а времени у меня с избытком.

– Тогда прошу вас присесть.

На лавочку. Очаровательную свободную лавочку, которая останется в полном моем распоряжении после исчезновения Урфина, – приятно осознавать, что не у одной меня родители фантазию проявляли. В том, что весьма скоро тану надоест мое общество, я не сомневалась.

– Скажите, вы не хотели бы...

...продать душу и остатки чести за улыбку? Она у него потрясающая, конечно. И вообще с его обаянием только финансовые пирамиды устраивать, но вот гложут меня смутные подозрения...

– ...выйти замуж за одного достойного господина...

Уж не за него ли?

А если... нет, Изольда, такого не бывает! Даже в сказках не бывает! А ты в жизни реальной, и такие красавцы здесь не водятся и уж тем паче не предлагают руку и сердце первой встречной.

Любовь с первого взгляда? Тогда пусть приглядится получше.

– Состоятельного? – зачем-то уточнила я внезапно севшим голосом.

– Очень, – уверил он, присаживаясь рядом. – Благородного и по крови, и по характеру. Умного. Сильного...

Прекрасного, как кусок сыра в новой мышеловке.

Что ему от меня надо?

– Вы больше никогда не будете испытывать нужду в чем-либо...

И взгляд такой красноречивый, заставляющий осознать, что джинсы мои стары и рубашка немногим моложе. Кроссовки и вовсе скоро умрут, а на новые денег

взять неоткуда. И вообще, если разобраться, что я теряю?

- Вы станете хозяйкой замка...

Этот шепот парализовал волю. И воображение – предатель! – рисовало нечто кремообразное, белоснежное и с кучей башенок.

Нельзя соглашаться!

Почему?

Потому что так не бывает!

Это еще не аргумент, Изольда. Или аргумент? А вдруг он... что? Выдаст меня замуж насильно? У нас не Средние века, я всегда смогу отказаться в последний момент. Или развестись. Или вообще...

Нет, я же не серьезно...

- Получите содержание. Скажем... в эквиваленте вашего веса золотом.

Вешу я сорок три кило. В золотом эквиваленте выходит солидно. Я не знаю, сколько сейчас стоит грамм золота, но... нет, я же не обдумываю его предложение!

- ...и, конечно, драгоценности. Вам нравится кольцо? У вас их будут сотни... алмазы, изумруды, рубины...

...оставайся, мальчик, с нами, будешь нашим королем...

- Что вы сказали?

- Ничего.

Это ловушка!

Ну конечно, ему очень надо поймать глупенькую Изольду, чтобы... на органы продать? Или в рабство? Да кому я здесь нужна?! Никому, Машка, и та меня предала.

- Поверьте, - Урфин наклонился еще ближе и прошептал на ухо: - подобный шанс выпадает раз в жизни. Не упустите его...

Да чтоб тебя!

Я собиралась встать и уйти, но вместо этого ответила:

- Хорошо.

- То есть вы согласны?

- Да.

Честно говоря, в глубине души я ожидала, что небеса развернутся и строгий голос возвестит, что я, Изольда, совершеннолетняя гражданка России, заключила сделку с дьяволом и быть мне отныне проклятой, неприкаянной и далее по списку. Увы, на мою беду небеса выглядели цельными, а голоса молчали, за исключением голоса разума. Но он был тих и неубедителен.

- И что теперь? - спросила я, разглядывая перстень.

Все-таки не бижутерия. И если так, то думать о его стоимости просто страшно.

- Теперь следует оформить наш договор. - Урфин подал мне руку и уже не выпускал, точно опасался, что я передумаю и сбегу. Признаться, было такое искушение, потому что чем дальше, тем более странным казалось мне происходящее.

Вот не надо было колечко трогать!

На стоянке Урфина ждал черный «бентли». Распахнув дверь, седьмой тан - что случилось с предыдущими шестью, я уточнять не посмела, - сказал:

– Вам не стоит опасаться. Вашему здоровью и чести ничто не угрожает. Слово лорда-советника.

Ну да, я взяла и на слово поверила.

Хотя да, поверила. А что оставалось? Вернуть колечко и отправиться домой? Ах да, отправляться некуда. Ни дома, ни ванной, закрывшись в которой можно пореветь от души, ни перспектив, кроме все той же панели. Лучше уж замуж... За сильного, умного и состоятельного. И не думать, чем это замужество для меня обернется.

Ехали мы недолго, но, когда авто остановилось и Урфин помог мне выбраться, – он вообще подозрительно услужливый тип, – я поняла, что понятия не имею, где нахожусь. Город был знаком и не знаком. Серые пятиэтажки брежневской постройки. Запыленные липы. И совершенно пустая улица, на которой помимо «бентли» припаркован лишь старенький «запорожец». Судя по кирпичам, подпиравшим брюхо, а также обильной ржавчине, парковка состоялась давно и навеки.

– Прошу за мной. – Урфин перестал улыбаться. – Если, конечно, вы не передумали.

Не дождутся!

Я, может, и дура, но последовательная.

Миновав арку, мы оказались в маленьком, но уютном дворике. Здесь всюду цвел жасмин. Кусты сирени заслоняли окна первых этажей, а на газонах то тут, то там виднелись желтые солнца одуванчиков. Скрипели качели на несуществующем ветру, и зеленый кленовый лист ластился к асфальту.

А вот людей не было.

Ни мамаш с колясками. Ни крикливой детворы. Ни даже зловредного и вездесущего племени городских старух.

И жасмин ничем не пах. Я специально остановилась, чтобы понюхать веточку.

Ничего! И цветы как пластиковые.

Все «страньше и страньше».

Запахи отсутствовали и в подъезде. Я потрогала стену, чтобы убедиться, что та материальна. Краска шершавая, а побелка за пальцы взялась. И старые перила вогнали в ладонь занозу, убеждая, что если это и сон, то высшей степени правдоподобности.

Урфин остановился перед невыразительной дверью, обитой синим дерматином. Золотистые шляпки гвоздей складывались в хитрый вензель, но рассмотреть его мне не позволили. Дверь открылась, и нас впустили в квартиру.

Тесная прихожая была завалена книгами. И тесный коридорчик был завален книгами. И комната... и вообще, складывалось впечатление, что сами стены этой квартиры сделаны не из бетона, а из пухлых томов, перетянутых для верности веревками. Хозяин книжной норы – невысокий, сутуловатый и весь какой-то скукоженный – кутался в красный халат с золотой отделкой. Из кармана халата торчали очки. Вторая пара сидела на длинном носу, пребывавшем в постоянном движении. Третья – на лысой голове.

– Надеюсь, все готово, досточтимый мэтр Логмэр, – сказал Урфин таким тоном, что мне стало жаль бедного мэтра.

– К-конечно, г-готово, – ответил тот, слегка заикаясь. – Н-но, п-позвольте вам заметить, что ваши н-неосмотрительные д-действия создают прецедент. Я в-вынужден б-буду д-доложить.

– Докладывайте.

– Совсем распоясались. – Мэтр Логмэр водрузил одни очки поверх других.

Разглядывал меня он минуту, а то и две, прежде чем поинтересоваться:

– Вы пребываете в здравом уме?

– Пребываю.

- Не находитесь под действием алкоголя, наркотических или магических зелий?

- Не нахожусь.

Мэтр на слово не поверил, вытащил из кармана белую раковину внушительных размеров и, сунув мне под нос, велел:

- Дыхните.

Я подчинилась - чужие странности следует уважать. Мэтр поднес раковину к лампочке и после внимательнейшего изучения - даже ногтем скреб - отправил в карман. Вид у него стал совсем уж печальный.

- В-в... в таком случае б-будьте столь любезны ознакомиться с договором и п-поставить п-подпись в означенном месте.

Договор занимал двадцать страниц, писанных, между прочим, от руки. И это были самые нудные страницы, которые мне когда-либо доводилось читать:

«...Настоящий договор (далее - Договор) заключен в 13-й день 7-го месяца сего года по стандартному от Раскола летоисчислению (даты указаны в приложении, далее Приложении, согласно Справочному Уставу) между протекторатом Инверклайд в лице лорда-советника Урфина Сайлуса, седьмого тана Атли (далее Доверенное Лицо), действующего от лица и по поручению мормэра Кайя Дохерти, исполняющего обязанности лорда-протектора (далее Доверяющее Лицо) и...»

На этом месте я вынуждена была прервать сие увлекательнейшее чтение, чтобы мэтр Логмэр внес в договор мои данные. Писал он медленно, сверяя каждую букву с паспортом.

- Читайте внимательно, - посоветовал мэтр, возвращая договор. - Люди на редкость н-невнимательны. И п-потом страдают. П-претензии п-предъявляют.

«...Доверяющее лицо предоставляет Исполнителю в невозвратное владение следующее движимое и недвижимое имущество...»

Список был внушительным, и первым номером в нем значился «замок каменный, стандартного проекта (прилагается в Приложении за номером...) о пяти башнях с тремя бронзовыми флюгерами и рвом в семь стандартных единиц глубиной».

А после слов «назначить денежное содержание» я и вовсе быстро пролистала оставшиеся страницы, желая лишь одного – поставить свою подпись в «означенном месте», тем более что пункт «Обязанности» был до отвращения краток. Мне вменялось хранить честь рода и быть достойной женой.

Побуду. Вряд ли это сложно.

Подписывать пришлось три экземпляра, каждый из которых тут же заверялся печатью. Первый был вручен мне, второй – Урфину, а третий исчез среди книг.

– П-приступим к ф-формальностям, – сказал мэтр, надевая третью пару очков. – П-перчатка у вас?

– Конечно, мэтр. Леди, прошу вас. – Урфин извлек из воздуха перчатку.

– П-попрошу без в-ваших ф-фокусов.

– Извините, мэтр, но сами понимаете...

Из воздуха. Перчатку.

Перчаткищу!

Мешок из черной кожи, украшенной заклепками. Я не знаю, какой должна быть рука, для которой шили это, но Урфину перчатка достала до локтя.

– Вашу руку, леди.

Не то чтобы неприятно, скорее странное ощущение. Кожа теплая и мягкая, а швы на ней проступают такими шрамами. Урфин сжимает мои пальцы, и в этой хватке нет ни следа вежливости.

– П-повторяйте, – приказывает мэтр. – Я, Кайя Дохерти, беру тебя, Изольда, в жены...

– ...в жены...

– ...и буду верен тебе до самой смерти...

– ...смерти...

– ...я, Изольда, беру тебя...

Я повторяла за ним слова, на первом же слове голос разума сдавленно всхлипнул и заткнулся.

– ...в мужья... и буду верна тебе до самой смерти.

– Супружество, вами заключенное, я авторитетом Коллегии Хранителей права и собственным именем подтверждаю... Можете поцеловать невесту.

Урфин и поцеловал. По-братски. В щеку. А потом положил руки на шею и сдавил. Пальцы у него оказались железными.

Я рванулась.

Закричала, скорее даже захрипела.

И отключилась.

– В-вы сов-вершенно п-потеряли с-совесть, Урфин. Хотя не д-думаю, что она у в-вас б-была. – Мэтр Логмэр отчаянно полировал стекла очков полой дрянного халата. – Я п-полагаю, что все это – в-ваша з-задумка. Н-не могу п-понять, как в-вы уговорили л-лорда-п-протектора.

– С трудом, мэтр. Но я воззвал к чувству долга.

- В д-детали, как п-полагаю, не п-посвящали?

- Совершенно верно.

Девушка лежала на полу. Сон ее обещал быть достаточно долгим и крепким, чтобы гарантировать спокойный переход.

- Он н-не об-брадуется.

- Это верно. Но как-нибудь переживем... - Урфин забросил новоиспеченную леди на плечо, решив, что пара лишних синяков не испортят и без того непростую ситуацию. - Стерпится - слюбится. Кажется, так здесь говорят.

Глава 2

Людам о леди

Одна леди пятьдесят раз упала в грязь по дороге домой.

- Леди! - ахнул дворецкий, открывая дверь.

- С головы до ног, - мрачно кивнула леди.

«Басни о пчелах, или Занимательные истории о леди Дохерти», миннезингер Альбрехт фон Йохансдорф

Я сидела на подоконнике и ела вишни. Вишни были спелыми и сладкими, подоконник - широким, а земля - далекой. Вишневые косточки я бросала за окно из врожденной вредности.

Вообще-то пейзаж открывался душевный.

Небо синее. Море синее. Солнце желтое. Облачка белым кружевом. Волна к берегу катит, кораблики плывут... Идиллия просто. Вот только созерцаю ее

третью неделю кряду, и от тоски тянет уже самой сигануть из окошка. Потом, глядишь, балладу сложат о неразделенной любви и прекрасной деве, чей призрак обречен навеки ждать возлюбленного. Пожалуй, именно это и останавливало мои суицидальные порывы. Ну, еще решетки на окнах и отсутствие возлюбленного, который, к несказанному счастью моему, застрял в неведомых краях.

Черт бы с ним, с возлюбленным, но вот решетки напрягали крепко.

Были они солидными, коваными, захочешь – не выломаешь. Я знаю, пробовала. Кажется, день на пятый своего здесь пребывания. И на шестой тоже. И на седьмой. Мне даже ложку принесли серебряную, чтобы камень ковырять легче стало. А вдруг да пораню свои нежные пальчики.

Под этим же предлогом ножа и вилки не дали.

Ложкой же ковырять решетки было не интересно.

Ну не свинство, а?

Мой единственный собеседник – рыжий котяра наглого характера и необъятных габаритов – сочувственно шевельнул ухом. Даже если он и не понимал меня, то хотя бы делал вид, что понимает. Остальные же...

Стоит начать сначала.

Очнулась я от запаха. Неопикуемый смрад проник в ноздри, вырвав меня из такого уютного забвения. Я закашлялась и взмахнула руками, пытаюсь отодвинуть источник вони подальше.

– Ваша светлость, соизвольте открыть глаза. – Голос был мягким, как мои старые войлочные тапочки, и я сразу прониклась к обладателю его симпатией, хотя не сразу сообразила, что обращаются ко мне. «Ваша светлость»... очаровательно просто. Глаза я открыть соизволила, потому как с закрытыми было бы сложно понять, что происходит.

Во-первых, я лежала.

Во-вторых, кровать, на которой я лежала, была столь огромна, что я сразу ощутила собственные одиночество и никчемность.

В-третьих, четыре столпа – иначе и не назовешь – поддерживали синий балдахин, расшитый звездами. Честно говоря, сперва я приняла его за небо, лишь удивилась, что небо столь низко висит, и протянула руку, чтобы пощупать вышитую звезду.

Руку мою тотчас схватили и сжали крепкие теплые пальцы. Принадлежали они незнакомому мне типу, высокому, тощему, облаченному в черный балахон. На лысеющей голове его виднелась квадратная шапочка с золотой кистью. Кисть съехала на лоб, разделив его пополам.

Сосчитав пульс – а сердце колотилось, что ненормальное, – тип сдавил мне виски, повернув голову сначала влево, потом вправо, оттянул веки и внимательно осмотрел глаза, а потом и в рот попытался заглянуть. На этом месте терпение мое иссякло.

– Руки уберите, – почти вежливо попросила я.

В горле изрядно першило. Да и само горло побаливало.

С чего бы это вдруг? Ах да, меня же придушить пытались!

– Чрезвычайная хрупкость конституции вашей светлости требует особо бережного обращения!

Не знаю, кому это было сказано, но я согласилась. Да, моя светлость требует бережного с собой обращения, и нефиг ее за горло хватать. То есть меня.

– Где эта скотина? – осведомилась я и окончательно пришла в сознание. – И кто вы такой? И вообще, куда я попала?

Сев на кровати, я огляделась. Симпатичное помещенье подходящих для кровати размеров. И все такое нарядное. Очаровательное просто сочетание брутальной каменной кладки, шелковых портьер, позолоченных канделябров – потом я выяснила-таки, что золотых, – мрамора и дерева. Особенно впечатлил

камин. Этакая пасть, облицованная камнем, а в ней огонь пылает.

Не знаю, как там по фэн-шуй положено, но камин в спальне – это круто. Сейчас я понимаю, что и практично, когда в доме нет центрального отопления.

– Не испытывает ли ваша светлость головокружение? Не ощущает ли горечь на языке? Сердечное стеснение? – продолжал допытываться тип, пристально вглядываясь в мое лицо. Подозреваю, что вид у меня был весьма специфический.

– Где я нахожусь? – Я повторила вопрос, понимая, что если не получу ответа, то завизжу от злости.

– Протекторат Инверклайд, – почтительно ответил тип. – Майорат Дохерти. – И, спохватившись, поспешил представиться: – Доктор медицинских наук Ллойд Макдаффин. Всегда к услугам вашей светлости.

Понятно. Точнее, ничего не понятно. Протекторат? Майорат? Доктор? Нет, ну с доктором ясно. Врачей недолюбиваю, но этот симпатичный. Заботливый. Вежливый. И выражение лица незамутненно-счастливое, как будто знакомство со мной – величайшее достижение его жизни.

– Я имел честь учиться в Булонии. И пользовал многих знатных особ, – сообщил он мне. – Но вы, ваша светлость, несомненно...

– Помолчите. Пожалуйста.

Я попыталась встать, к вящему неодобрению доктора. Но перечить мне не посмели. И правильно, я не в том расположении духа, чтобы мне перечить. А на шее, и думать нечего, синяки будут.

– Тан Атли умоляет вас принять его низжайшие извинения. Он глубоко сожалеет о том досадном происшествии, которое...

Что-то я сомневаюсь насчет сожаления. И происшествие было отнюдь не случайным. Но с происшествием, таном и прочими жизненными неурядицами я разберусь позже. В данный момент у меня имелась цель – окно. Огромное окно с чудесными витражами. На темном стекле среди кувшинок и звезд плясали белые

цапли. Правда, привлек меня не витраж.

Я дошла до окна сама, хотя на помощь бросились и доктор, и женщина с серым невыразительным лицом. Она все время была в комнате, но держалась в тени.

– Окно откройте. – Я уперлась в ставни и попыталась открыть сама. Ставни не поддавались.

– Ваша светлость! Там ночь! Прохладно! Ваше хрупкое здоровье...

Моему хрупкому здоровью не слишком вредили осенние походы с ночевкой. Так что и в окошко выглянуть ему лишь на пользу будет.

Створки все-таки поддались, просто они открывались не наружу, а внутрь. И не стекло было черным: за окном жила ночь. Густая, южная – мне однажды повезло побывать в Крыму, – она рядилась в яркие звезды. А крупная, словно нарисованная, луна была желта и приятно округла.

В лицо дохнуло свежестью.

И ветер был соленым на вкус. Такой ветер бывает лишь с моря...

А потом на мою ладонь села крупная нарядная бабочка. Крылья ее, каждое размером с тетрадный лист, имели удивительный зеленоватый оттенок, словно были вырезаны из куска нефрита. Прожилки на крыльях лишь усугубляли сходство.

Уже не сходство.

Я коснулась не живого существа – прохладного камня. Сквозь радужный срез его просвечивало пламя.

– Это каменный виан, – подсказал доктор. – Они живут лишь несколько часов в году. Вам повезло увидеть чудо, ваша светлость. Это хороший знак.

Пусть так, но... на Земле не водятся каменные вианы. Поденки, и те, отжив короткий свой век, просто умирают, а не превращаются в камень. Мне ли не

знать? Я отдала бабочку доктору и, послушная, вернулась в кровать. Я надеялась, что вижу сон и утром проснусь. Дома...

Дома больше не было. Точнее, он был, но где-то далеко, за пределами этого мира.

Я кричала. Плакала. Требовала отпустить меня.

Доктор Макдаффин предлагал эликсиры, способствующие излитию желчи, что, по его мнению, должно было избавить меня от черной меланхолии.

Я послала доктора Макдаффина к каменным вианам и принялась за посуду. О, с каким самозабвенным удовольствием я швыряла в стену тарелки, тарелочки, блюда, чашки, вазы и вазочки... и никто в чертовом замке не посмел меня остановить. Нет! Мне с завидной покорностью приносили новые и новые сервизы.

Изощренное издевательство!

И я устала.

От усталости ли, от нервного ли расстройства или же от того легкого ветерка разболелась голова. За мигренью последовал кашель, поднялся жар, уложивший меня в постель. А когда я все-таки поднялась – с детства не люблю болеть, – то в тот же день вывихнула ногу. И ведь споткнулась на ровном месте! Пока бинтовали ногу, я загнала в ладонь занозу. Ее вытащили, но к вечеру ранка загноилась. Еще куриный бульон оказался прокисшим, изрядно испортив ночь, а утром кровь из носу пошла...

– Жидкости в организме вашей светлости пришли в небывалое смятение. – Доктор Макдаффин разговаривал со мной ласково, как с душевнобольной. И я понимала, что, еще немного, и вправду свихнусь. – Причиной какого является преодоление разрыва между листами...

Он в общем-то был неплохим человеком, только слегка странным. Но к моей иномирности относился с поразительным спокойствием, как будто не видел в том ничего удивительного. А может, и вправду не видел.

– ...а это – серьезнейшее испытание даже для тана Атли, чьи выдающиеся способности...

Сволочь он, этот тан Атли, который благоразумно избегает встреч со мной. Болен он, как же. Помнится, в единственную нашу встречу он был до омерзения здоров. А тут вдруг слег, бедолажка. Впору цветы послать. Или открытку с пожеланием скорейшего выздоровления.

– ...не говоря уже о столь нежных созданиях, каковыми являются женщины. Ах, если бы я имел счастливую возможность составить гороскоп вашей светлости, я сумел бы отыскать то средство, которое успокоило бы...

Меня успокоил бы хороший пинок, который я с превеликим удовольствием отвесила бы драгоценному тану. Но пришлось довольствоваться пузырьком со льдом и мятной эссенцией, которую заботливо втирали мне в виски. Она ли помогла, или жидкости моего тела успокоились-таки к вящему облегчению доктора, но спустя неделю я вновь была бодра и энергична.

Тогда-то и прояснились некоторые обстоятельства.

Во-первых, муж нашей светлости – их светлость лорд-протектор Кайя Дохерти, отсутствует, и как долго это отсутствие продлится, никто не знает.

Во-вторых, во время одного отсутствия замком, равно как и протекторатом, управляет доверенное лицо, сиречь их сиятельство лорд-советник Урфин.

В-третьих, мне запрещено покидать пределы комнаты и общаться с кем-либо помимо милейшего доктора, моей камеристки Гленны и рыжего кота. Кот вряд ли входил в список разрешенных контактов, но плевать хотел на запреты их сиятельства и просто однажды выполз из-под кровати с толстой крысой в зубах.

В-четвертых, мне категорически рекомендован постельный режим и отсутствие всяческих волнений, каковые оказывают губительное воздействие на слабый женский разум.

В-пятых, и последних, отменить запреты может лишь их сиятельство, который в настоящий момент времени не готов предстать пред очами нашей светлости и

объясниться...

Вот и оставалось – сидеть на подоконнике, глазеть на море и есть вишню, лениво обдумывая план побега.

– Ну не сволочь ли он, а? – Я почесала кота за ухом. – Как есть сволочь...

Кот открыл оба глаза и зашипел. Не на меня – на дверь. А она возьми и откройся.

– Ваша светлость! – Гленна присела в обычном своем поклоне, от которого я пыталась отучить ее последнюю неделю. Надо же было хоть чем-то заняться. – Их сиятельство лорд-советник спрашивают, не сообразовали ли вы принять его.

– Мы солбако... собако... короче, зови.

Все-таки чувствую, леди из меня выйдет фиговая.

Посреднику случалось улаживать самые разные дела, многие из которых входили в некоторое противоречие с законом, что тем самым повышало стоимость услуг. Жизненный опыт и чутье позволяли ему избегать неприятностей, а также определять не только платежеспособность, но и серьезность намерений клиента.

Нынешний был серьезен, хотя и несколько необычен для данного закрытого мирка.

– Какого рода специалист вам необходим? – Посредник разговаривал мягко и веки полуприкрыл, что создавало у клиентов ощущение некоторой его отрешенности. И лени.

А лень ассоциировалась со слабостью.

И клиенты сами себя уверяли, что посредник безопасен. При любом исходе переговоров.

Были правы.

Отказ от сотрудничества еще не повод для убийства. В распоряжении посредника имелось множество иных, куда менее травматичных способов сгладить шероховатости, возникавшие время от времени.

– Мне нужен специалист, который... – Клиент не спешил. Он явно обдумал все не единожды, но сейчас вновь взвешивал каждый довод, подводя себя к краю. – Который умеет обращаться с оружием.

– Каким?

Вряд ли клиент стал бы искать в ином мире то, чего хватало в его собственном. А умение понимать желания клиента, даже не высказанные вслух, в значительной мере повышало шансы посредника на удачную сделку.

– Огнестрельным.

Ответ был ожидаем. И клиент, с ходу не получив отказа, продолжил:

– Оружие он принесет с собой.

Это очевидно. В полумертвом мире приличной винтовки не найти.

– Сколько целей?

– Одна.

– Расстояние до цели?

Пауза в разговоре. И ответ:

– Чем больше, тем лучше.

Снайпер, значит. У посредника имелся знакомый снайпер, который любил работать в удаленных мирах, закрытых для Хаота. Осталось выяснить последний

фактор.

– Срок исполнения заказа?

И клиент, расцепив замок из пальцев, сказал:

– Мне необходимо, чтобы специалист прибыл сейчас. И пробыл здесь некоторое время. Возможно, длительное... до полугода.

– Так не принято. Мир имеет обыкновение... привязывать чужаков.

– То есть вы отказываетесь?

Посредник редко отказывался от сделки, пусть бы и столь странной. Зачем держать снайпера полгода? Рисковать разоблачением? Чужак всегда выделяется.

Впрочем... тот специалист, о котором посредник думал, любил игры. И нуждался в смене мира.

– Нет, не отказываюсь. Но цена...

– Цена не имеет значения.

Красивые слова, в которых правды было не больше, чем в нынешней биографии посредника. К слову, биография обошлась недешево, не говоря уже о лицензии на торговлю с закрытым миром. Впрочем, торговля оказалась куда более прибыльным занятием, чем посредник предполагал, что не отменило возможности альтернативного заработка.

– Я дам ответ при следующей нашей встрече. – Посредник почти не сомневался, что ответ будет положительным.

Юго никогда не отказывался от работы.

Глава 3

Лорд, который гуляет сам по себе

В кустах рояль, а в нем – отряд гвардейцев!

Неожиданный сюжетный поворот истории, рассказанной старым солдатом за кружечкой темного эля в таверне «Рогатая кобыла»

Выглядели их сиятельство презанятнейшим образом.

Нет, костюмчик выше всяких похвал. Воротник кружевной топорщится. Камзол блистает алмазными россыпями. Панталоны с бантами и вовсе слезу умиления вызвали. А мода здесь лютует...

– Доброго дня, ваша светлость, – сказал Урфин, одарив меня поклоном.

Я подобрала полы халата и вежливо кивнула в ответ:

– И вам доброго дня.

Какой-то он бледный очень. Щеки ввалились, веки набрякли, а глаза и вовсе красные, как у кролика с перепую. И эта испарина на лбу подозрение вызывает. Надо бы попросить милейшего доктора, пусть одарит Урфина вниманием,отрегулирует приток жидкостей телесных к мозгу, если оный у их сиятельства имеется.

В моей душе шевельнулось сочувствие, но было отловлено и удушено недрогнувшей рукой.

– Прошу простить мой неподобающий вид. – Он сел в кресло, между прочим, мною облюбованное, и вцепился в подлокотники. – Но мне кажется, что наша с вами беседа стоит некоторых неудобств.

Я охотно согласилась, а заодно осталась сидеть на подоконнике – и тепло, и довольно удобно, и на расстоянии от Урфина. Уж больно тянет ему пакость

сотворить.

– Спрашивайте, – разрешил он.

Добрый какой. И на вопросы мои он ответит честно, аки свидетель на процессе. Осталось Библию торжественно внести. Или Конституцию.

– Я в другом мире? – задала я первый вопрос. – И приволок меня ты?

– Да. И снова да.

– Как?

– Тебе с точки зрения магии или физики объяснить?

– Как тебе удобней.

– Никак. – Их сиятельство ослабли самым вызывающим образом. – Я открываю двери. Но не имею ни малейшего представления о том, как они устроены.

Ладно. Допустим, я поверила. В конечном итоге я, включая телевизор, не слишком задумываюсь о микросхемах, кристаллах и о том, откуда берется электричество.

Я в другом мире. Факт.

Я жива. Здорова. И способна понимать речь устную и письменную. Примем как данность.

Но есть момент, который волнует меня куда больше всех остальных, вместе взятых.

– Когда я вернусь домой?

Имелись некие подозрения, которые Урфин охотно подтвердил.

– Никогда.

Неделю назад я швырнула бы в него миской, не пожалев остатков вишни. И сейчас искушение было столь велико, что я спрятала руки за спину. Минуту мы с Урфином играли в гляделки, и победил он. Ну не могла я спокойно смотреть в эти красные беспомощные глаза!

– Есть несколько препятствий. – Он заговорил сам, приняв поднесенный Гленной кубок. И могу поклясться, что подавала она его с опаской, стараясь не коснуться его сиятельства ненароком.

Может, он заразный?

Но тогда не притащился бы. К нашей-то светлости с ее хрупким здоровьем, при упоминании о котором у меня уже икота начинается.

– Первое – вы заключили договор. И обязаны его исполнить.

Но в договоре – я читала его раз десять, все равно больше читать было нечего – ни слова о столь радикальной смене прописки!

– Уж поверьте, – Урфин слабо улыбнулся, и вид у него сделался вовсе жалким, – книгочеи в жизни не допустят расторжения договора. Профессиональная честь... но, даже если получится, остается второе препятствие. Переход между мирами отнимает силы. Перенос между мирами обессиливает совершенно. Видите, в каком я состоянии? У меня физически не хватит сил открыть дверь.

Это он намекает, что я виновата? Между прочим, я не просила меня переносить! Я прошу поставить меня обратно! Требую даже!

– Гленна, выйдите, – приказал Урфин, проведя по шее. Готова спорить, что воротник этот, больше похожий на кружевной ошейник, неудобен до жути.

Она подчинилась, пусть и неохотно. Моя камеристка, женщина неразговорчивая, но в общем-то добрая, глядела на Урфина так... не знаю даже, как сказать. Пожалуй, так смотрят на не слишком порядочного гостя, выставить которого не имеют возможности, но после ухода его непременно пересчитают серебряные

ложечки.

– Они знают, что вы не отсюда, но не знают, откуда именно. Им это не интересно. Им здесь вообще мало что интересно, но оно к лучшему. Вам не стоит распространяться о Земле. Ваш мир слишком отличается от нашего.

Ну да, я заметила.

Электричества нет. Телевидения нет. И радио тоже нет. Хорошо, что хоть горячая вода есть. И туалет имеется, между прочим, из цельного фарфора, расписанного под гжель.

– И я говорю не о внешних отличиях, а о внутренних. Вы потом сами поймете. Вы ведь не дура, Иза.

Сахарок комплимента, чтобы я не буйствовала? Так я вроде и не буйствую. Руки по-прежнему за спиной держу. Смиренна аки монахиня под суровым взглядом престарелого епископа.

– Отпустите меня домой. – Я говорила так жалобно, как могла. – К маме.

А вместо того чтобы посочувствовать, Урфин рассмеялся. Смех у него неприятный, всхлипывающий. И вообще, чего тут веселого? Может, по мне и вправду мама тоскует.

– Извините, Иза. Но если бы ваша мама была жива, вряд ли бы вы здесь сидели. И не обязательно мать, но хотя бы кто-то, кому вы не безразличны. Видите ли, мир живой. Любой мир. Представьте, что люди, животные, растения, что любая вещь – это часть мира. Сердце, печень, легкие...

...двадцать метров кишечника, костный мозг и полкило хряща. Но аналогия в целом понятна.

– ...Вытащите из человека сердце, и он умрет. Отрежьте палец, и он будет жить, но останется калекой.

Урфин прервался, чтобы отдышаться. Похоже, ему и вправду досталось.

Мог бы и меня к себе пригласить. Или здесь так не принято?

Но жалеть его не стану! Вот не стану, и все!

- Только вряд ли вы добровольно отдадите даже ноготь.

Здесь он прав. Не отдам. Ногти самой нужны... маникюр бы еще сделать... и к парикмахеру заглянуть... подозреваю, что я похожа на чучело.

- А ноготь не расстанется с вами добровольно. Вы держитесь за мир. Мир держится за вас. Родители. Дети. Мужья и жены. Друзья. Приятели. Тысячи и тысячи тончайших нитей, созданных вами же, вас удерживают. И мне пришлось рубить эти нити. Но именно нити.

- То есть я - ноготь?

- Скорее, волос. Или чешуйка отмершей кожи.

Очень приятно осознавать себя перхотью на голове мира.

- Мне повезло с тобой, - без всякой насмешки сказал Урфин. - Я не смог бы вытащить человека, которого мир держал.

А я, выходит, не нужна была.

Обидно. До слез обидно, но перед их сиятельством, которые пусть и не солгали, но не сказали и правды, я плакать не стану. Хуже всего, что он прав, чего уж тут.

Мама умерла, давно, но сердце еще болит. Бабушка ушла и того раньше. Отец? Не представляю даже, как он выглядит. Друзья? Кроме Машки, не было, а с Машкой вот ерунда вышла. Да и получается, что ей на меня плевать.

- И... и как ты понял?

- Кольцо.

Кольцо осталось при мне. И камень, синий, как море за окном, напоминал мне, из-за чего я попала в эту передрыгу.

– Ты его увидела. И надела. Ты настолько выпала из своего мира, что сумела прикоснуться к частице другого.

А небеса не разверзлись. Жалость какая.

– И эта частица тебя не оттолкнула. Значит, был шанс...

Он как-то не вовремя замолчал. Но я не стала подталкивать вопросами. Вообще, кажется, начинаю осознавать правдивость поговорки: меньше знаешь – крепче спишь.

– В твоём мире умеют пересаживать части человека друг другу. Но, насколько я знаю, тело может не принять орган, который в него вживили. Мир тоже норовит избавиться от чужого.

От меня? И каким же образом?

Обыкновенным. Простуда. Отравление. Нога подвернутая. И то чертово кровотечение, которое никак не удавалось остановить.

– Видишь, ты сама все поняла. И да, ты могла умереть. – Урфин поднял руки, упреждая возмущенный вопль. – Я планировал поставить защиту, но не смог. Хотя и так все получилось.

Получилось? Да я на горшке полночи провела! А мигрень?! А тошнота постоянная?! Жар, от которого все кости ныли?!

От меня, видите ли, мир избавиться желал.

Что я ему плохого сделала?

– Могло быть хуже. – Урфин рванул воротник и, когда избавиться не вышло, просто сжал голову, словно пытался раздавить ее. – Пожар. Ураган.

Землетрясение. Дракон, на худой конец...

- А тут и драконы водятся?

- Нет, но ради тебя завелись бы...

Какая очаровательная любезность со стороны мироздания. Не каждая леди собственного дракона удостоится.

- Но ты жива и вполне здорова...

Не его за это благодарить.

- ...следовательно, мир тебя принял. Но мой тебе совет. Будь осторожна. Не ешь незнакомую еду. Не балуйся с острыми предметами. Под ноги смотри...

- «...не стойте и не прыгайте, не пойте, не пляшите там, где идет строительство или подвешен груз», - процитировала я. И Урфин улыбнулся, причем эта улыбка чем-то отличалась от предыдущих. Не скажу чем, но я вдруг сразу перестала на него злиться.

- Послушай, - Урфин заговорил тихо и мягко, - я понимаю, что сейчас тебе нелегко, но подумай сама. Что тебя ждало?

Понятия не имею. Безоблачное счастье с мужем-олигархом, виллой в Испании и летом на Лазурном Берегу? Или, куда вероятней, при толике везения тихое существование в ипостаси бухгалтерши, пятничные посиделки на работе, сплетни коллег и мелочная зависть друг к другу, которая отравляет жизнь похлеще цианистого калия. А еще вероятней - ночевки на вокзале и все, что за ними следует.

- Мир избавляется от тех, кто ему не нужен. Несчастный случай. Или просто череда неудач, которая давит, пока не раздавит. Агония в обнимку с бутылкой. Или злой человек с ножом в переулке. Тысяча дверей, и все заперты. Я дал тебе шанс.

Он прав, и от этого только горше. Как бы то ни было, не Урфину решать. Он мог бы рассказать все как есть и... Что бы я сделала? Хватило бы у меня духу согласиться на его такое заманчивое предложение? Ой, вряд ли.

- Твой муж богат, как ты хотела. Он знатного рода. Его власть в пределах протектората безгранична. Он не стар. Не уродлив...

Все это чудесно, вот только жену этому замечательному человеку пришлось искать в другом мире. И чем дальше, тем больше меня занимает вопрос: почему?

- Он... - Я заглянула Урфину в глаза в робкой надежде, что по ним узнаю ложь. - Он садист?

- Что?

- Он бьет женщин?

И если так, то мне останется лишь сигануть из окна. Или использовать одну из атласных лент, которыми разукрашен мой халат, в качестве удавки.

Урфин несколько секунд разглядывал меня с явным удивлением, словно этот вопрос был последним из ожидаемых им, затем вздохнул и ответил:

- Я не могу себе представить, что должна совершить женщина, чтобы Кайя поднял на нее руку. Ты только ему таких вопросов не задавай, ладно? Постарайся просто отнестись к нему по-человечески, и все у вас будет хорошо.

- Тебе это гадалка нагадала?

- Вроде того.

- И поверил?

- Это очень хорошая гадалка. Она не ошибается.

Не скажет, пока не задам вопрос прямо. А я задам. Не постесняюсь:

– Все-таки... почему я?

И снова он ответил не сразу. Складывалось впечатление, что Урфин еще не решил, стоит ли мне доверять, а если стоит, то насколько.

– Ты – наименьшее зло, – сказал он. – Сама увидишь.

Урфин поднялся не без труда. Разговор наш стоил ему сил, которых у его сиятельства оставалось не так и много. Споткнувшись на ровном месте – начинаю подозревать, что это место не такое и ровное, – Урфин с трудом удержал равновесие. Спрыгнув с подоконника, я поддержала его – вдруг да упадет, ногу вывихнет или там шею свернет, а потом меня виноватой сделают.

– Не стоит, ваша светлость. – Урфин глянул на меня так странно, что я сама убрала руки. Хочет падать – пусть падает.

А у них здесь, наверное, не принято, чтобы леди помощь предлагали.

– Ваш супруг скоро вернется. – Взгляд стал прежним, отрешенным и даже слегка ледяным, как будто я вдруг в чем-то провинилась. – И я надеюсь, что к его возвращению вас приведут в порядок.

Зачем приводить? Я и так в порядке в отличие от некоторых.

Лорд-канцлер ожидал у подъемника. Конечно, он делал вид, что вовсе не Урфина ждет, а попросту прогуливается, любуясь видом и мраморными горгульями. Стража делала вид, что верит и что им нет дела ни до Урфина, ни до лорда-канцлера.

– Мормэр Кормак. – Урфин слишком ослаб, чтобы кланяться, но старик наверняка сочтет сие произвольное нарушение этикета оскорблением. Впрочем, если бы Урфин все-таки поклонился, все равно поклон сочли бы излишне дерзким и опять же оскорбительным.

– Тан Атли.

Вензель, вычерченный полкой плаща, был идеален.

– Как ваша спина? – осведомился лорд-канцлер с совершенно искренней заботой в голосе.

– Спасибо, хорошо.

– Я рад за вас... безусловно, премного рад за вас. Слышал, что вы беседовали с ее светлостью. Позвольте узнать, когда же мы удостоимся высокой чести лицезреть леди Дохерти, дабы засвидетельствовать ей свое почтение и восхищение?

Старый сыч мог говорить долго, а вот Урфин не обладал ни временем, ни силами, чтобы выслушивать весь этот витиеватый бред.

– Чего вы хотите?

– Хочу понять, как далеко заходит ваша самоуверенность, тан. Неужели вы и вправду надеетесь, что и эта выходка сойдет вам с рук? Или вы вновь всего-навсего не подумали о последствиях? Должен вас предупредить, что при всей моей к вам симпатии я отослал гонца к его светлости...

– Спасибо за заботу.

– ...и в послании изложил все, свидетелем чему стал. Боюсь, вас ждет неприятная встреча.

И прежде чем удалиться, лорд-канцлер отвесил еще один весьма изысканный поклон.

Оказавшись в клетке подъемника, Урфин опустился на пол. Он очень надеялся, что у него есть еще неделя или две до возвращения Кайя. И пять минут после, чтобы объясниться.

Чудесный новый мир

Одна леди всегда ковыряла в носу в перчатках.

Потому что холеные пальчики и ухоженные ногти – главный признак настоящей леди.

«Басни о пчелах, или Занимательные истории о леди Дохерти», миннезингер Альбрехт фон Йохансдорф

Первым не выдержал ягненок. Он жалобно заблеял, взбрыкнул, а затем по юбке моей потекло что-то прозрачное, теплое и с характерным запахом.

– Ах, леди! – хором воскликнули мои фрейлины и заученно закатили очи. Слава тебе господи, что сознания ни одна не лишилась. С них станется.

Придворный живописец, до сего момента увлеченно запечатлевавший неземную красоту нашей светлости, замер с приоткрытым ртом, тоже готовый не то в обморок упасть, не то просто на колени.

На колени здесь падали легко, даже привычно.

– Ужасно! – Первой опомнилась леди Лоу, старшая фрейлина, девица весьма неглупая, я бы сказала, себе на уме. Со мной она держалась если не свободно, то уж менее скованно, чем прочие. Единственное – в подчеркнутой любезности ее мне временами виделась издевка.

– Кошмар! – поддержала ее леди Ингрид, выделявшаяся среди прочих ростом и нелюбовью к парикам, что было вполне объяснимо: собственные рыжие волосы Ингрид были чудо как хороши.

– Бедолага просто устал. – Я передала ягненка лакею.

Признаться, я уже привыкла к тому, что рядом всегда есть кто-то, готовый услужить нашей светлости. Ну да, угождают не столько мне, сколько моему супругу, которого я до сих пор не удостоилась чести лицезреть.

И ладно. Мне и без него неплохо.

А переоденусь, так совсем хорошо станет.

– Ваша светлость желает сменить наряд?

– ...принять ванну...

– ...отдохнуть...

Наша светлость желали тишины и покоя, но это было невозможно. После того как тан Атли снял карантин, жизнь моя претерпела некоторые изменения. Так, отныне утро начиналось с появления дежурной фрейлины, которой вменялось в обязанность разделить со мной завтрак, помочь принять ванну и облачиться в домашний халат. Последние два пункта я, к недоумению прекрасных леди, выполняла сама, а вот завтраком делилась. Еды мне не жаль.

Тем более ели они более чем символично.

Затем в покои допущался куафер – некий гибрид парикмахера и косметолога. Первое наше знакомство было не слишком удачным, поскольку сей очаровательный мужчина, чем-то напоминавший бочонок в кружевах, вознамерился сбрить мне брови. Я ответила, что лучше бы ему не пытаться.

Куафер настаивал.

Я пригрозила, что его самого налысо обрею. И парик надеть отказалась. Рыжий. Черный. Белый. Любой. И даже розовенький, щедро усыпанный стразами. Правда, потом выяснилось, что стразы – это натуральные алмазы, ибо меньшее мне по статусу не положено... а если мне не по вкусу алмазы, то их тотчас заменят на сапфиры, рубины, изумруды... Ну да не важно. Мода модой, а здравый смысл здравым смыслом.

Здесьняя мода – отдельный разговор.

Когда-то, просматривая исторические фильмы, я люто завидовала героиням. О, как хотелось мне примерить роскошное платье века этак восемнадцатого... семнадцатого... чтобы юбки, кружева, корсеты.

Можно себя поздравить – сбылась мечта идиотки.

Платьев у нашей светлости целая комната. А к ним – кружевные воротники, нижние юбки, верхние юбки, рубашки, корсеты, панталоны с шелковыми чулками, к которым в комплекте шли атласные подвязки. Сам по себе каждый предмет – произведение искусства. Но вот носить это...

Чулки норовили соскользнуть. Панталоны были жутко неудобны, хотя бы потому, что застегивались сзади. В рубашках я путалась, а корсет, который дорогая моя Гленна затягивала с особой тщательностью, придавал моему облику не только изящество, но и требуемую бледность. К бледности прилагались устойчивый звон в ушах, мошкара перед глазами и прочие явные признаки кислородного голодания.

Я искренне пыталась отбиться от высокой чести, но выяснилось, что корсет – едва ли не самая важная часть туалета благородной дамы. И после долгих препирательств, где рассудок явно пасовал перед чувством долга, мы с Гленной сошлись на том, что его просто не будут шнуровать так туго, а то нашей светлости дороги ребра и мозг еще, как подозреваю, пригодится.

А что талия чуть больше положенного модой – так я привыкла.

Кринолины тоже пришлись мне не по нраву. Да и много ли радости в том, что к вам, полузадушенной корсетом, крепят конструкцию, напоминающую гигантский абажур. На конструкцию укладывают юбку, потом – нижнее платье. А уж на него – верхнее. Выглядит, безусловно, потрясающе, но вот передвигаться в такой «сбруе» крайне неудобно. Я терпела. И мысленно прикидывала, как бы половчей революцию устроить. Для начала, к примеру, трусы изобрести. А там, глядишь, и до лифчика дело дойдет. Мне-то он ни к чему, но некоторым дамам явно пригодится.

Если серьезно, то я помню наш с Урфином разговор и чем больше думаю, тем яснее осознаю правоту тана. Я не вернусь домой? Пускай. Начинают ведь жизнь с чистого листа, и что за беда, если открыт этот лист в другом мире. Здесь я

богата и знатна. У меня есть собственный замок, трехпалубная галера и супруг, который когда-нибудь да объявится.

Морально я готова к встрече. Ну, более-менее.

– ...Ваша светлость. – Из задумчивости меня вывела Тисса, самая юная из моих фрейлин.

Их, вообще, было восемь. Все как на подбор – молоды, прекрасны по местным меркам и знатны. Леди Лоу – дочь самого лорда-канцлера. Леди Ингрид – лорда-казначей... и так далее. Леди Тисса выделялась не только возрастом – на вид ей было не больше шестнадцати, а на самом деле, подозреваю, меньше, – но и какой-то ненаигранной робостью. Краснела она столь же легко, как и бледнела. А от обмороков благоразумно воздерживалась.

– Вы желали бы надеть синее или зеленое? – Леди Тисса указала на платья, которые принесли в комнату. Оба наряда выглядели уныло одинаковыми. Крой. Ткань. Только синее было расшито розами, а зеленое – астрами.

Нет, с местной модой определенно пора что-то делать.

– Конечно, синее! – решила за меня леди Лоу. – Оно оттенит чудесный цвет глаз вашей светлости.

Глаза у меня серые и не особо выразительные, так что вряд ли цвет платья сыграет какую-то роль. И мне, честно говоря, действительно плевать. А вот Тисса покраснела, уши ее и вовсе стали пунцовыми.

Я пожалела девочку.

– Зеленое. – Я улыбнулась Тиссе, но она поспешно отвернулась, как будто стеснялась смотреть мне в глаза. И я догадывалась о причинах такого стеснения.

Кто на свете всех милее, всех румяней и белее? Ответ известен – наша светлость!

У нашей светлости чудесная фигура, от которой веет юностью. А короткие волосы вовсе не недостаток, потому что в нашей светлости недостатков нет.

Кожа смугловата? Как свежо!

Брови на отведенном природой месте? Как естественно и оригинально!

Уши не оттопырены и губы пухловаты? Это придает нашей светлости индивидуальность.

А еще у нас со светлостью оригинальные суждения и эксцентричный юмор. Мы вообще столь необычны, что у неподготовленных людей, вроде лорда-канцлера, икота начинается.

Ложь. Каждое слово, каждый поклон, сама эта готовность потакать во всем – ложь. Правда – в случайно пойманных взглядах, в которых я читала и удивление, и презрение, и плохо спрятанную злость. Похоже, я заняла чужое место. Чье? Леди Лоу, благородной до того, что сама мысль о служении кому-то повергает ее в ужас? Но леди слишком хорошо воспитана, в отличие от нашей светлости, чтобы этот ужас демонстрировать.

Дебеловатой сонной Ингрид, которая почти дружелюбна, но куда хуже владеет собой, и порой сквозь маску ее безучастия прорывается этакая брезгливая жалость. Наверняка они судачат о нашей светлости. И тень этих разговоров мешает Тиссе смотреть мне в глаза.

Как-нибудь переживу.

– А давайте играть в цветы! – воскликнула леди Тианна, существо легкое и в принципе беззлобное. Колибри злыми не бывают. – На фанты!

– Без меня. – Я знала правила игры, то же самое, что игра в города, но только с цветами. Нарцисс, сирень, незабудка, астра... ничего сложного. Это было даже весело, и проиграть я не боялась.

Скорее уж боялась выиграть.

Наша светлость выигрывали всегда. По официальной версии – благодаря незаурядному уму, обширным познаниям и так далее. Сначала было приятно. Потом... мерзко. Этакая победа с тухлым запахом.

– Чур, кто задание не выполнит, тот фант теряет! – поддержала Тианну леди Лоу. – Или выкупает! А деньги мы раздадим бедным.

Подозреваю, что леди Лоу если и видела бедных, то издали, а то и вовсе полагала их мифическими персонажами вроде единорогов. Но благотворительность – вечная тема. И фрейлины охотно поддержали идею. Мне оставалось лишь согласиться и указать на ту, которая начнет вязать цепочку слов. Выбор я сделала быстро:

– Тисса, ты будешь первой... Назови мне цветок на букву «а».

– Азалия! – воскликнула Тисса. Девочка обожала игры и веселилась настолько искренне, что мне самой становилось радостно.

– Ятрышник!

– Куколь!

– Это не цветок!

– Нет, цветок!

– Ваша светлость, скажите ей! – воззвали хором и громко, позабыв, что леди полагается говорить тихо, а желательно и вовсе не говорить, но лишь взирать на собеседников с печалью в очах.

Для пущей печальности нижние веки чернили.

– Цветок, – вынесла я вердикт.

– Лилия...

- ...раз, два, три... фант! Ваша светлость!

Фанты передавали мне, и постепенно на серебряном подносе собралось множество очаровательных мелочей. Колечки, брошки, атласные ленточки и бантики, которыми украшали прически, заколки для волос и даже изумрудный браслет, отданный леди Лоу небрежно, словно он ничего не стоил.

Основное веселье началось, когда пришла пора возвращать фанты. Не сказать чтобы задания отличались разнообразием, в основном они были творческими. Стихи, сочиненные тут же по опорным словам, рисунки на песчаной доске... выпрошенная через окошко роза, за которой все вместе спускали веревку, сплетенную из атласных лент. У леди Лоу оказалось неожиданно приятное сопрано, а баллада о любви простого рыцаря к леди тронула не только мое сердце.

- Пусть остается. - Леди благородно отказалась от браслета. - В пользу бедных.

Последним фантом было колечко, простенькое, я бы сказала, чересчур простенькое, без камней, гравировки и вообще каких бы то ни было украшений. Да и сделано не из золота.

- А этому фанту... - Право загадывать перешло к леди Лоу. Она сделала вид, что думает, и на идеальном лбу появилась крохотная морщинка. - Этому фанту... подарить поцелуй Чуме!

Тисса сдавленно всхлипнула, а леди Лоу, будто не слыша, велела:

- Гленна, будьте добры, прикажите тану Атли явиться.

Вот на этом месте веселье меня покинуло. Я еще не понимала, что происходит, но, судя по белому - белее меловой пудры, которой фрейлины пользовались без всякой меры, - лицу Тиссы, задание было вовсе не смешным.

Вмешаться? Отменить? И нарушить правила игры? Оставить все как есть?

Урфин не похож на человека, который причинит вред ребенку. Или похож?

– Тисса, милая, ты доставляешь волнение ее светлости, – промурлыкала Лоу, беря несчастную за руку. – Это же шутка, не более того...

Ох, что-то я сомневаюсь. Надеюсь, у тана Атли хватит ума сказаться больным.

Увы, удача была не на моей стороне. Урфин предстал передо мной, аки Сивка-Бурка. Выглядел он, кстати, куда лучше, чем в прошлый раз.

– Ваша светлость! – Церемонный поклон в его исполнении не выглядел смешным. А вот у меня чертовы приседания, которыми полагалось приветствовать лордов и леди, до сих пор не получались.

– Рады видеть вас в добром здравии, тан Атли, – без тени радости сказала Лоу. – И просим прощения, если оторвали от важных государственных дел, но...

Она подтолкнула Тиссу, которая пребывала в состоянии, близком к обмороку.

– ...у леди Тиссы к вам дело. Оно не займет много времени.

Следовало бы остановить этот цирк, но меня охватило странное оцепенение. Я, и Лоу, и прочие фрейлины, внезапно притихшие, ставшие похожими на перепуганных пташек, что жмутся друг к другу, ища поддержки, смотрели, как Тисса подходит к Урфину.

Поднимается на цыпочки.

Касается губами щеки и в следующий миг падает.

Урфин успел подхватить ее.

– Мы играли в фанты, – выдавила я в ответ на взгляд Урфина. Было в его глазах что-то помимо удивления. Ярость? Обида?

Не знаю.

Тиссу уложили на диванчик и принялись обмахивать. Костяные веера стучали, сталкиваясь друг с другом.

– Встреча с вами взволновала бедняжку, тан. – Лоу вытащила ажурный флакон с нюхательной солью. Но и это радикальное средство не привело Тиссу в сознание. – Она так много слышала... всякого... думаю, с сегодняшнего дня она и вовсе будет вами очарована.

– Увы, мое сердце отдано лишь вам, – очень медленно произнес Урфин. – И это чувство столь огромно, что я готов умолять лорда-протектора оказать мне высокую честь и донести до вашего отца скромную мою просьбу. Теперь, полагаю, ее исполнят.

Леди Лоу все же не всегда справлялась с эмоциями. Сквозь трещины в ее маске проглядывало искреннее отвращение, к которому примешивалась изрядная толика брезгливости.

Урфина здесь не просто недолюбливают. Его откровенно ненавидят.

И боятся.

Хорошее сочетание, нечего сказать.

– Вы знаете, что это невозможно. – Леди Лоу сумела взять себя в руки.

– Невозможное не всегда является недостижимым. Леди, – Урфин поклонился, – ваша светлость. Надеюсь, не слишком помешаю вашему веселью. У меня есть новости для вас.

И требуют они частной беседы.

Я уже думать начинаю так, как они здесь говорят: половина мыслей вслух, вторая – для внутреннего пользования.

– Оставьте нас, – велел Урфин, и его приказ был исполнен незамедлительно. Даже Тисса, которую совокупными усилиями вернули в сознание, ушла.

– Это была дурная шутка. – Урфин произнес это после секундной паузы.

– Я уже поняла. – Колечко все еще было у меня. Простенькое. Дешевенькое. Наверняка оно много значило для Тиссы, если она предпочла переступить через свой страх, но не потерять кольцо. – Простите, что втянула вас... тебя.

– И ты прости, что не предупредил. С ними... надо быть настороже. Особенно с некоторыми.

Это он о леди Лоу?

Урфин занял мягкий табурет, один из тех, что полагались фрейлинам. На стульях в присутствии нашей светлости сидеть не дозволялось.

– Твой муж возвращается, – сказал тан Атли.

Возвращается... я ведь ждала. Не то чтобы с надеждой, скорее с опаской, и, пожалуйста, дождалась. Екнуло сердце, сжалось болезненно, и слезы на глаза накатили.

Вот еще... леди не плачут.

– И... и когда?

И не заикаются тоже. Леди воспринимают супруга как неизбежное зло. К мужу, как и к неудобным туфлям, надо лишь привыкнуть. Сначала жмут, натирают, но со временем, глядишь, разносятся.

– Два дня. Три дня. Четыре. Как лошади пойдут. Не надо бояться. Пожалуйста.

А я и не боюсь. Я испытываю сердечный трепет вследствие тонкой душевной конституции.

– И еще одно. Я хотел бы кое-что показать тебе. За пределами дворца. Ты же не против небольшой прогулки по городу?

Еще спрашивает! Мне осточертело уже сидеть с многозначительным видом, разыгрывая изящную леди, которая слишком уж изящна, чтобы придумать себе хоть какое-то занятие.

После возвращения фрейлин я вернула Тиссе ее колечко, а заодно, поддавшись внезапному порыву, стянула с пальца собственное. Благо драгоценностей у меня с избытком.

– Ах, ваша светлость! – К леди Лоу вернулась прежняя ее безмятежность. Она присела у моих ног с вышиванием, всем своим видом демонстрируя, что досадное недоразумение, имевшее место, забыто и не следует уделять ему слишком уж много моего высочайшего внимания. – Вы очень добры к бедной Тиссе.

Тисса с искренней радостью демонстрировала подарок фрейлинам. Они охали, ахали и славили мою неслыханную щедрость.

– А вы – не очень.

– Ничуть. Я искренне хотела помочь бедняжке.

Доведя до обморока? Интересный способ.

– Вы прибыли издалека... – Леди Лоу ловко управлялась с иглой, прокладывая контур рисунка. Бабочка? Цветок? Неудобно спрашивать, но до чертиков любопытно. – У вас, верно, иные обычаи. У нас же девушка, не имеющая иного приданого, кроме имени, рискует навеки остаться в девичестве.

Ужасная участь, надо полагать.

– А род Тиссы не столь уж знатен. Был. И тан Атли – лучшее, на что она может рассчитывать.

Еще немного, и я поверю в благие намерения...

Помню, куда ведут.

Глава 5

Чужие города

Я памятник себе воздвиг нерукотворный...

Слова отца семнадцати детей при известии о скором появлении восемнадцатого

Этот город – самый лучший город на земле... ну, на этой земле определенно.

С замковых высей он и вправду казался рисованным. Этакая акварель из плоских крыш, выжаренных местным солнцем добела, зеленых парковых аллей и узких улочек.

Мы вышли рано, я уже и забыть успела, каково это – просыпаться до рассвета. И Гленна, ворча, что их сиятельство переступили все возможные границы приличий и воспользовались моей неопытностью, подала платье. Наряд был простым, невзрачным и вместе с тем удобным: юбка из плотной ткани, свободная рубашка на завязках и безрукавка. Последняя была расшита мелким речным жемчугом, но все равно по сравнению с прочими моими платьями выглядела бедно, если не сказать убого.

– Хорошо для купчихи, – сказала Гленна, когда я спросила ее, как выгляжу. – Не для вашей светлости.

А по-моему, мило. Главное, что в кои-то веки я могу дышать свободно.

И в дверной проем, что характерно, прохожу без посторонней помощи.

Тан Атли также выглядел не совсем обычно. На смену яркому сюртуку пришла куртка из коричневой кожи, панталонам – простые штаны. В руках его сиятельство держал широкополую шляпу с квадратной пряжкой.

В тени стены, бледная и дрожащая, стояла Тисса.

– В-ваша... с-светлость, – произнесла она, заикаясь, и отчаянно покраснела, – д-доброе утро.

– Доброе.

Утро и вправду было добрым. Солнечный круг завис над Кривой башней, которая, в противовес названию, была пряма, аки шест стриптизерши. Небо розовело, еще не отойдя после ночи, и одинокая звезда задержалась над стеной. С моря тянуло прохладой. Мешались запахи земли, дерева и дыма, копченого мяса и свежесыпеченного хлеба.

– Дамы, вы выглядите просто превосходно. Прошу вас. – Урфин взял под руку меня и Тиссу, которая вовсе, казалось, лишилась способности говорить. Ну вот зачем было ее тянуть?

Ах да, наверное, нашей светлости неприлично разгуливать по городу на пару с их сиятельством, вот и выделили сопровождение. Впрочем, если так, то лучше Тисса, чем леди Лоу.

– Итак, перед вами внутренний двор замка. – Урфин взял на себя обязанности экскурсовода. – Сюда допускаются лишь избранные, а потому мы перейдем туда, где и подобает быть людям нашего сословия. Сословий всего три. Высшее, к нему относятся лорды и леди. Они владеют землями и стоят над всеми по праву благородного рождения. Среднее – горожане и земледельцы, чей труд позволяет жить и горожанам, и лордам. Ремесленники, из которых наибольший вес имеет гильдия оружейников. Ученые люди и торговцы. Третье сословие – черное, или низшее. Бродяги. Нищие. Бездетные вдовы. Женщины... некоторые женщины, упоминать о которых в вашем присутствии не следует. Воры. Убийцы.

– Вы забыли еще одно сословие упомянуть. – Тисса говорила так тихо, что я едва-едва слышала ее. – Немое. Это рабы, ваша светлость.

Рабы? У них здесь рабство не отменили? Но я не видела никого в ошейнике, или с клеймом, или... Вообще, что я знаю о рабах? Ничего.

– Точно. Забыл. Как хорошо, что всегда найдется кто-то, кто напомнит! Немые. Рабы и должники, работающие на откуп. Но вряд ли вы столкнетесь с кем-то столь ничтожным. К лорду или леди следует обращаться в зависимости от титула. Ваша светлость – к мормэру, его супруге и детям... но здесь так обращаются лишь к тем, кто принадлежит к роду Дохерти.

То есть это мой супруг и я?

Или есть еще кто-то? Какое непростительное отсутствие любопытства.

– Тана и его домочадцев следует величать «ваше сиятельство».

Замечательная лекция, еще бы прочитал он ее недельки на две-три раньше, совсем бы цены их сиятельству не было бы.

– К людям уважаемым из прочих сословий обращаются «мэтр» или «сул». Верно, Тисса?

Та пискнула что-то неразборчивое.

Меж тем мы пересекли границу стены, толщина которой меня поразила, и оказались на широченном мосту. Выложенный камнем, он был метров пять шириной и держался на массивных цепях, уходивших куда-то в стены. Под мостом протекала река, но выяснилось, что это всего-навсего ров.

– Во время прилива вода поднимается и попадает в трубы, – охотно пояснил Урфин. – Ров наполняется. А на отливе шлюзы отсекают воде путь. Стены рва выложены камнем. И пересечь его при поднятом мосте затруднительно.

За мостом началось то, что Урфин назвал Низким замком, но, по-моему, это было настоящим городом, мозаикой из камня всех цветов. Желтый песчаник. Серый гранит. Гранит красный, как свежая кровь. И темно-зеленый, с атласным отливом.

– Если обратишь внимание, то мы все время идем вниз. Некогда замок был построен на вершине горы, и городу оставалось лишь приспособиться.

Террасы, соединенные каналами и мостиками до того хрупкими, что и ступить страшно. Укрепленные колоннами и лесами стены. И каменные козырьки, нависающие над домами. На некоторых росли деревья, иные были покрыты толстым слоем мха.

– Некогда здесь было весьма грязно. И благородные леди предпочитали сидеть в Высоком замке.

Судя по выражению лица Тиссы, она была бы рада вернуться и посидеть еще немного.

А мне нравилось. Я остановилась у фонтана, в котором плавали толстогубые карпы, и Урфин купил у старушки кулек с кашей. Карпы подплывали к поверхности воды и разевали пасти. Они были ленивыми и наглыми, почти как голуби, что облюбовали другой фонтан и других старушек...

Низкий замок от города отделяла стена, но ворота здесь не имели ни решеток, ни стражи, а потому разделение это я сочла весьма условным.

– Еще лет двадцать тому простолюдинам, кроме тех, кто состоит на службе, было категорически запрещено подниматься в замок, – пояснил Урфин. – Кайя многое изменил.

– Лорд-протектор велик, – сказала Тисса.

– И широк. – Урфин остановился перед лужей, в которой грелась вислоухая свинья. Последняя знать не знала, что перед нашей светлостью лежать нельзя, разве что с особого дозволения.

– Увы, некоторые реформы имеют непредсказуемые последствия, – дав свинье пинок, который та приняла с христианским смирением и лишь перевернулась на другой бок, Урфин предложил мне руку и помог перебраться через лужу. Идти пришлось по узкому и хлипкому бортику.

За Тиссой он тоже вернулся, но та вскинула подбородок, подняла юбки и гордо наступила в грязь. Туфли на ней, как и на мне, были отнюдь не шелковые, а вполне себе крепкие, подходящие для прогулок подобного рода, но мне почему-

то стало неприятно.

– Там у нас Кифский рынок, – Урфин сделал вид, что ему все равно, – туда мы заглянем на обратном пути...

– А к морю?

Рынок – это замечательно, шопинг я люблю, пусть тут он будет и с оттенком хорошо выдержанного ретро, но море я люблю больше, правда, и видела-то его раз в жизни.

Мы с Машкой отправились в Крым. Точнее, Машка с друзьями и я в нагрузку, как теперь понимаю. Тогда все казалось великолепным. И долгое путешествие в общем вагоне, где было жарко, людно и воняло пролитым пивом. И скалистый берег. И палатки, и костер, и вечно подгоревшая еда, и даже Машкино молчание, полное холодной брезгливости. Она рассчитывала на совсем другой Крым, а мне было достаточно моря. Вода от края до края. Небо, которое почти отражение воды. Белая нить горизонта. И лунная дорожка от берега до звезд.

– Мы пойдем к морю? – Я дернула Урфина за рукав. – Пожалуйста.

– Конечно. Но чуть позже.

– В-ваша светлость, – Тисса догнала меня и пошла рядом, нарочно держась подальше от тана, – благороднорожденные дамы не ходят к морю.

– Почему?

– Не ходят, – повторила она, глядя под ноги. – Не принято.

Значит, примем. Нельзя же всю жизнь провести в каменной коробке за вышиванием! А Урфин вел нас по узким улицам. Дома смыкались друг с другом плотно. И камень был одного цвета – желтоватого, костяного. Порой в него попадали вкрапления темной глины или же дерева.

– Хлебопекарни... лавки зеленщиков... коптильни... – Урфин не переставал говорить, но остановиться и рассмотреть поближе хотя бы вот того смешного

человечка, который прямо на земле разложил цветастый платок и на нем смешивал травы, не позволяя. – Алхимические мастерские... аптекарни... там дальше – Дымная часть...

Над городом и вправду поднимались дымы.

– Кузницы. А слева – Шелковая улица. Ткачи обитают... мыловарни... красильщики, но туда соваться не стоит.

Я не успевала ничего рассмотреть! Интересно же! И, зазевавшись, я на секунду отстала. Но этой секунды хватило, чтобы оказаться в цыганском круговороте.

Мелькали яркие юбки, звенели серьги и бубны, гортанный голос требовал позолотить ручку, на которой и без того было изрядно золота. Мне предрекли счастливую жизнь и троих детей, но тут же пригрозили проклятием, снять которое...

– Кыш пошли, – рявкнул тан Атли, выдергивая меня из хоровода. В левой руке он держал мальчишку самого разбойного вида. – Отдай!

Мальчишка зашипел и задергался, но, не получив свободы, выплюнул белые жемчужины. С моей жилетки срезал? И когда только успел!

Вот ведь, мир другой, а цыгане те же. И Урфин подтвердил догадку:

– Люди дороги не знают границ. Мир их не держит. По-моему, не видит даже.

Нищий, ловкий, как закаленный в мусорных боях помойный кот, прошмыгнул меж цыганами, и белые жемчужины исчезли.

– Леди, не отставайте, умоляю, мы уже почти пришли.

– Куда?

К огромному строению, которое не отличалось ни красотой, ни изяществом, а только размерами и цветом. Черные стены его жадно пили солнечный свет, но камень оставался холодным – я проверила, прикоснувшись тайком. Ни окон. Ни

статуй с барельефами. Ни каких бы то ни было украшений.

Единственная дверь – чугунные створки с натертыми до блеска, натруженными петлями – распахнута настежь. К двери ведут три ступени, и на каждой сидит по старухе. Урфин бросил им горсть монет.

– Леди Тисса подождет нас здесь.

Это уже была не просьба, но приказ. И Тисса не осмелилась послушаться. Мы же вошли в храм. Почему я решила, что это именно храм? Просто уж больно он не похож на все прочие виденные здесь здания. Темно. В первый миг темнота оглушила. И я схватилась за руку Урфина просто чтобы убедиться – он рядом.

Здесь каждый сам по себе.

Ни нефа. Ни алтарей. Пустота, расцвеченная свечами. Робкие огоньки их – близкие звезды, к которым меня ведут. Звуки странным образом исчезают, и это правильно – в храме необходимо уединение.

Я не религиозна. Я была и в церкви, и в мечети, и в синагоге, всякий раз поражаясь той особой красоте, которая наполняет любой, без исключения, храм. И даже этот, безымянный, был удивителен своей безбожной простотой.

Постепенно тьма отступала. Она отползала, оставляя лужи остекленевшей черноты, и собственные мои отражения смотрели из них. Отражения отличались друг от друга, и потому казалось, что они все – я, только та, которая могла бы быть.

– Когда я впервые попал на другой лист, – голос Урфина был тих, но все равно раздражал это место, – меня удивила вера. Бог как существо, сотворившее мир и до сих пор за ним присматривающее? Люди-дети и рай как награда за хорошее поведение? Я не оскорбляю тебя?

– Нет.

– Хорошо. Мне бы не хотелось. Листов множество. Есть такой, где люди приносят Богу все самое лучшее, а сами живут в нищете. Есть другой, где в правители

выбирают лишь безумцев, потому что думают – Бог говорит через них. Есть третий, где безглазые жрецы взвешивают на особых весах добрые и злые молитвы, говоря, что делать человеку. Их цель – соблюсти равновесие.

– Странно.

Мы шли. Темнота делала огромное здание и вовсе бесконечным. Остались позади созвездия свечей, и на полу прорезались жилы белого света. Они сплетались друг с другом в причудливые сети и поднимались, разрезая пространство. От них не исходило тепло.

– Здесь же думают, что Творец, тот самый Творец, который дал миру начало, ушел. И нет нужды молиться ему.

Сети соединились. Белый свет сделался ярким, резким.

– А кому здесь молятся?

– Смотри! – Урфин отступил, оставляя меня наедине с... чем?

Не алтарь. Не иконостас. Картина?

Красный конь встал на дыбы. Пасть его разодрана удилами. Кровь мешается с пеной, и кажется, что жеребец вот-вот рухнет от непомерного усилия. Копыта готовы обрушиться на землю, на меня, смять и раздавить. Сполохи пламени скользят по клинку, по алым доспехам, которые сами будто бы сотворены из живого огня.

Взгляд рыцаря полон гнева.

«И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нем дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч...» – Я не понимала, откуда берутся эти слова, но они были правильны и единственно возможны.

– Кайя Дохерти, – Урфин не позволил мне отступить, а ведь больше всего мне хотелось нырнуть в темноту, спрятаться и от коня, и от меча, и от самого всадника, – лорд-протектор. И нынешнее воплощение войны.

А по совместительству мой супруг.

Эк меня угораздило, однако.

Глава 6

Рабы (не)мы

А потом он украл из дворцового зала шкуру тигра, завернулся в нее и грабил по ночам одиноких прохожих...

Правдивая история из жизни лорда-советника, седьмого тана Атли, рассказанная зеленщицей со слов ее троюродной сестры, которой случилось помогать на замковой кухне

– Спокойно, Иза! – Руки Урфина были надежной опорой, пусть бы я и не собиралась по местной традиции лишаться чувств. Война? Ничего страшного. У всех свои недостатки. Я тоже не ангел господень. – Ты вряд ли когда-нибудь увидишь Кайя в этой ипостаси.

– Почему?

– Ты женщина.

Надо же, я не против мужского шовинизма в отдельно взятой ситуации.

– Я просто хочу, чтобы ты сама увидела. Ты не отсюда родом. Ты способна мыслить иначе, чем они.

– Война – это...

Что? Бог этого мира или части его? Всадник апокалипсиса? Или безусловное зло?

– Явление, – подсказал Урфин, – стихия. Только в отличие от природной эта рождена людьми. И, как стихия, она способна разрушать.

Под копытами красного жеребца лежали развалины. Приглядевшись, я могла различить дома и людей, таких крошечных, беззащитных.

– Или сдержать разрушение. В твоём мире есть оружие настолько сильное, что его нет нужды использовать.

Атомная бомба? Ее использовали. Дважды. Но Урфин прав – миру хватило, чтобы испугаться. Но как надолго хватит этого страха? Я раньше не думала об этом. А теперь вот, глядя на растоптанный разоренный город, вдруг поняла, что ничего не знаю о войне. Я видела фильмы про наших и немцев. И еще про Вьетнам. И про рыцарей тоже, которые хотели захватить Иерусалим, потому что там жил Бог.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

В качестве эпиграфов в книге использованы цитаты из произведений, которые читатель, несомненно, узнает. – Примеч. авт.

Купити: <https://tellnovel.com/karina-demina/izol-da-velikolepnaya>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)